

Моему «багажу»

Вот, бери цветные карандаши, рисуй: домик, чуть ниже домика протекает ручей, там устроен источник, чтобы было удобно брать из него воду. Но только не рисуй солнце, ведь дом стоит в тени! Сразу позади него гора; уходит отвесно вверх. Перед домом простая женщина, она развешивает на веревке белье, веревка натянута слабо, привязанная к двум вишневым деревьям, одно стоит справа от веранды, ведущей к двери дома, другое слева. Как раз сейчас женщина закрепляет прищепкой ползунки и распашонку, значит, у нее есть дети. Стирает она часто — детские вещи, и мужнины, и свои, у нее есть одна особенно красивая белая блузка. Она любит, чтобы ее семья была чистая, как бывают городские семьи. У нее много белых вещей, они красиво оттеняют ее темные волосы и темные глаза. И у мужа такие же темные волосы и темные глаза. Другие в деревне внизу редко носят белое, маркое, некоторые даже

по воскресеньям не носят. У нее серьезное лицо, глубокие глаза. Глаза, пожалуйста, рисуй угольным карандашом! Волосы зачесаны гладко, они черные, с примесью коричневого, потому что угольный карандаш сломался. Хорошие цветные карандаши не блестят, и к тому же они дорогие.

Действительность так и поддувает в картинку сквозняком, холодно и безжалостно, там даже мыло в дефиците. Семья бедная, всего две коровы, одна коза. Пятеро детей. Муж, черные волосы, как и у жены, у него они даже блестящие, красивый он, вдвое красивей, чем другие. У него тонкое лицо, но безрадостное, как кажется. Жена, ей лет тридцать, она знает, что нравится мужчинам, не припомнит ни одного, кому бы не нравилась. Когда муж притягивает ее к себе, чувствует ее грудь и живот, он ей так и говорил уже не раз, у него темнеет в глазах, и от усталости он тут же валится в кровать. Она тогда торопливо раздевается, ложится рядом с ним и знает, что он только притворяется спящим, не хочет спасовать. Поэтому она оставляет на себе тонкую нижнюю рубашку. Чтобы не все сразу было однозначно. Она смотрит через открытое окно в ночное небо. Даже луна не всякий раз показывается из-за горы. Иногда

она проплывает за самым ее краешком, и тогда над гребнем видно сияние. Иногда вскрикнет во сне ребенок, она знает, какой, потом заплачет другой, она знает, какой. Но у нее не получается встать, не то чтобы она устала, нет, она думает: эк меня разморило. Сколько же я проживу, думает она.

Девочка, ей три года, стоит у кровати, посреди ночи. Это Маргарете. Грете. Она дрожит.

— Мама, — шепчет она.

Мама отвечает тоже шепотом:

— Иди ко мне!

Малышка забирается к ней под одеяло. Отец не должен про это знать. Девочка ложится не посередине между родителями, а на край кровати. Ее приходится крепко держать, чтоб не упала на пол, кровать-то высокая.

Эта девочка была моя мать, Маргарете, пугливая и боязливая: всякий раз, натыкаясь на своего отца, она сжималась и искала подол матери — вцепиться в него. Отец был добр к другим четверым детям, он и вообще в целом был добрый, и с двумя родившимся позднее тоже будет ласков. Только эту девочку он терпеть не мог, эту Маргарете, которая станет потом моей матерью, потому что подозревал, что

она не его ребенок. Он не держал на нее зла, не раздражался; он брезговал ею, она была ему противна, как будто от нее пахло чем-то неприятным. Он даже не бил ее никогда. Других детей — иногда случалось. Грете же нет, никогда. Он даже затрещиной, даже шлепком не хотел к ней прикоснуться. Делал вид, что ее не было. До самой своей смерти он не сказал ей ни одного слова. И она не могла припомнить, чтобы он взглянул на нее хоть раз. Мать сама мне это рассказывала, когда мне было лет восемь. Мой дед не хотел иметь никакого дела с этой чокнутой. А для бабушки это было причиной пригревать робкую девочку больше, чем других детей, и любить больше, чем других. Мария — так звали мою красивую бабушку, за которой волочились бы все мужчины, не испытывай они страха перед ее мужем.

Но я забегая вперед. Потому что начинается эта история, когда моей матери еще не было на свете. История начинается, когда ее даже еще не зачали. Она начинается однажды днем, когда Мария опять развешивала во дворе белье, зажимая его прищепками. Это было в начале сентября 1914 года. И тут она увидела внизу на дороге почтальона. Она заметила его еще издали.

Со двора открывался вид на долину до церковной башни, которая возвышалась над липами. Почтальон катил свой велосипед в руках, потому что подъем к домику был крутой, а после развилки еще и без нормального дорожного покрытия. Мужчина утомился, он хотел, чтоб его называли адъюнктором, почтовый адъюнкт — таково было официальное обозначение его профессии, он носил униформу с блестящими пуговицами, он вспотел, ослабил галстук, расстегнул воротник. Дойдя до дома, почтальон снял фуражку — лишь ненадолго, для приветствия и для проветривания. Мария отступила на шаг, когда он протянул ей письмо. Это было голубое извещение с прикрепленным к нему отрывным корешком. На корешке надо было поставить подпись и отослать его назад отправителю извещения. Отправителем было государство, и оно хотело получить на руки подтверждение. Адъюнкт знал, что она знает, что нравится ему, и даже очень. Он знал также, что безразличен ей. Он и вполнину не был таким шикарным, как Йозеф, ее муж с его темным взглядом, если шикарная внешность вообще могла делиться пополам или поддаваться удвоению.

Адъюнкт не одобрял деревенских пересудов о Марии и Йозефе. Дескать, дети еще не

являются доказательством любви, уж во всяком случае не доказывают, что кто-то это может делать хорошо или просто может, даже и четверо детей еще ни о чем не говорят. Женщина может рожать, даже если мужчина ее не удовлетворяет, это природа, а природа никак не связана с любовью, и даже если пару случайно зовут Мария и Йозеф, это еще ничего не значит, а скорее даже наоборот. Особенно усердствовали мужчины. А сами думали, что у них при случае вполне мог быть шанс с красивой Марией. К тому же этих супругов почти никогда не видели в деревне вместе, из этого мужчины тоже делали свои выводы и усматривали в этом еще одно доказательство. А если их и видели вместе, вид у них был безрадостный, они даже не смотрели друг на друга, Йозеф — тот всегда такой строгий, да и Мария по большей части тоже, как будто они были в ссоре. Но мужчины просто понятия не имели. На самом деле Мария любила полежать с Йозефом, тесно обнявшись, у нее был темперамент. И у мужа тоже иногда. Между ними было далеко не так, что они просто задували свет, ложась вместе. Далеко не так. И когда они задували свет, часто бывало так, что они еще долго разговаривали.